

УДК 327

10.34670/AR.2023.40.81.020

Концепция национальной безопасности в основных парадигмах теории международных отношений: реализм, либерализм, конструктивизм

Хлопов Олег Анатольевич

Кандидат политических наук,
доцент кафедры американских исследований,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: rggu2007@rambler.ru

Аннотация

В статье анализируется содержание концепции национальной безопасности через призму основных парадигм теории международных отношений: реализм, либерализм и конструктивизм. Эти теоретические подходы указывают на различное понимание ключевых проблем и угроз национальной безопасности и способы их преодоления. Теоретическое осмысление международно-политических процессов предоставляет несколько инструментов для осмысления и решения проблем безопасности, а также для извлечения уроков из прошлого исторического опыта. Независимо от того, охватывает ли каждая парадигма позитивистскую (реализм и либерализм) или рефлексивную (конструктивизм) онтологию, каждая из них сочетает в себе богатые эмпирические детали и представления о природе и угрозах национальной безопасности. Автором делается вывод, что политики и эксперты при планировании стратегии национальной безопасности государства могут с пользой использовать различные теории международных отношений, каждая из которых вносит свой вклад в анализ современных проблем национальной безопасности государства и общества. Каждая из представленных парадигм сочетает в себе богатые эмпирические детали с хорошо продемонстрированными наблюдениями о возможностях и угрозах международной безопасности. В эпоху трансформации международной системы и взаимозависимости, когда риски и опасности для национальной безопасности часто могут казаться непреодолимыми, у теоретиков международных отношений и лиц принимающих решения в области национальной безопасности есть общая цель: лучше понять все более сложную природу мировых событий и процессов и успешно пройти через возникающие национальные и международные кризисы.

Для цитирования в научных исследованиях

Хлопов О.А. Концепция национальной безопасности в основных парадигмах теории международных отношений: реализм, либерализм, конструктивизм // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Том 12. № 1А. С. 179-190. 10.34670/AR.2023.40.81.020

Ключевые слова

Национальная безопасность, парадигма, международные отношения, реализм, либерализм, конструктивизм, угрозы.

Введение

Термин «национальная безопасность» знаком большинству аналитиков и специалистов, работающих в самых разных областях политики. Но, как и другие термины в лексиконе международных отношений, при ближайшем рассмотрении обнаруживается большое разнообразие в понимании того, к чему относится этот термин и как его применять. При этом в научной литературе оспаривается сама идея того, что представляет собой нация.

В статье раскрывается содержание понятия национальной безопасности с точки зрения трех ключевых парадигм исследования международных отношений, которые по-своему отвечают на вопросы: что такое национальная безопасность, как вопросы попадают в фокус внимания национальной безопасности и как они расставляются по приоритетам, кто и как принимает решения по проблемам национальной безопасности, как индивидуальные и институциональные предпочтения формируют результаты, чем традиционные представления о безопасности отличаются от альтернативных, на какие аспекты безопасности следует делать акцент при борьбе с внешними и внутренними угрозами – на национальную безопасность, глобальную, экологическую, социальную, энергетическую или безопасность индивида.

Представленный анализ дискурса о национальной безопасности показывает, что большая часть научной литературы о национальной безопасности написана с позиции геополитики и реалистической парадигмы, сторонники которой акцентируют внимание на активной роли государства по обеспечении национальной (государственной) безопасности, изложенные в работах отечественных и зарубежных исследователей [Кокоши, 2013].

Большинство экспертов сходятся в том, что национальная безопасность включает в себя: государственную безопасность, направленная на защищенность государства от внешних и внутренних угроз; общественную безопасность – защищенность личности и общества, преимущественно, от внутренних угроз; техногенную безопасность – защищенность от угроз техногенного характера; экологическую безопасность и защита от угроз стихийных бедствий; экономическую безопасность, энергетическую безопасность информационную безопасность, безопасность личности [Карадашова, 2023].

С одной стороны, абстрактные теории международных отношений имеют мало отношения к практической деятельности по защите нации от угроз. Но верно также и то, что ученый-международник, даже работающий над вопросами безопасности, и специалист по национальной безопасности могут занимать разные позиции по ключевым приоритетным вопросам безопасности. Исследователя-международника интересуют проблемы, прежде всего как интеллектуальное упражнение, они могут свободно представлять решения проблем безопасности, часто не обращая внимания на практику межличностных и институциональных предпочтений политические рекомендации, включая мельчайшие детали. С другой стороны, практики потенциально могут многому научиться, знакомясь с теориями международных отношений, которые охватывают политологию, экономику, право, историю и множество других областей знания. Теории также обладают достоинством выступать в качестве дорожных карт, предоставляя концептуальную призму, через которую сложные проблемы и их решения, связанные с национальной безопасностью, могут быть объяснены и расставлены по приоритетам.

Это не означает, что национальная безопасность на практике является синонимом национальной безопасности в теории. В то же время концептуальное наложение, которое дает теория международных отношений, может помочь а) определить предположения, которые мы

делаем о безопасности государства (вызовы, угрозы, деструктивные факторы внешнего и внутреннего характера) на практике; б) объяснить международное взаимодействие; в) помочь определить приоритеты основных угроз и задач, требующих ресурсов; г) внести некоторую ясность в разработку внешней и внутренней политики.

Национальная безопасность: множество определений

Первое препятствие, с которым столкнется исследователь, изучающий национальную безопасность – это выяснить, что именно означает «безопасность». Определения важны, потому что они подразумевают, что должно быть приоритетным, и излагают «меню для выбора» с точки зрения типов вопросов, которые имеют значение для специалистов по национальной безопасности [Russett, 2010].

Мы можем определить безопасность очень широко: например, просто как «свободу от вреда», или предположить, что это свобода от страха или свобода от нужды [Leffler, 1990].

В настоящей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ в 2021 г., национальная безопасность России определяется как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»¹.

Широкие определения могут быть преимуществом в сфере национальной безопасности, поскольку они охватывают практически все потенциальные угрозы и вызовы, с которыми могут столкнуться государства и общества. Но это также может быть препятствием, поскольку добавляет множество вопросов, и дает мало ясности относительно того, на каких приоритетных областях следует сосредоточить внимание.

Если, например, мы определяем безопасность так, как это, обычно принято – обеспечение безопасности государств от угроз со стороны других государств, тогда мы исключаем целый ряд других вызовов, с которыми государства сталкиваются со стороны негосударственных акторов, и другими глобальными проблемами такими, как терроризм, экологические проблемы, экономические спады, стихийные бедствия, энергетические кризисы и многие другие. Каждый из вызовов представляет реальную угрозу государству, а также жизни людей, которые в них живут, и требует ответных политических мер.

Теории международных отношений и выбор национальной безопасности

Основные парадигмы теории международных отношений предлагают иной ракурс на понимание национальной безопасности. У каждой из них есть свои сильные и слабые стороны, но все они потенциально поучительны во многих отношениях. Сосредоточив внимание на ведущих подходах - *реализм, либерализм и конструктивизм*, позволит нам обратиться к

---

¹ Стратегия национальной безопасности РФ (утверждена Приказом Президента РФ № 400 от 2 июля 2021 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 04.03.2023).

изучению того, как исследования в области международных отношений могут информировать современных практиков в области национальной безопасности

Более детальная оценка национальной безопасности и некоторые другие полезные инструменты ее анализа, представлены так же и в других теоретических направлениях изучения международных отношений. К ним относятся теория комплекса региональной безопасности, связанная с Копенгагенской школой [Buzan, 2003] взгляды теоретиков глобальной безопасности Уэльской школы [Booth, 2007] идеи английской школы о международном сообществе [Linklater, 2009]; а также другие критических исследований в области безопасности и критической геополитики [Browning, 2013]. Однако основные подходы к международным отношениям дают ключевые концептуальные представления о природе национальной безопасности.

Национальная безопасность с точки зрения политического реализма. Из всех теорий международных отношений реализм остается очень актуальным для изучения и практики национальной безопасности. В первую очередь это связано с тем, что реализм – это парадигма, которая фокусируется на том, как ведут себя государства, каковы их ключевые интересы и как они реагируют на угрозы. Хотя его часто ошибочно принимают за циничный подход к международным отношениям, попытки реалистов предложить политические рецепты в максимально объективной и беспристрастной манере дают неприкрашенный взгляд на международное взаимодействие, в котором международный ландшафт является одним из факторов постоянной конкуренции, где нельзя исключать применение силы. И хотя предсказательная способность реализма часто оказывалась несостоятельной, он не предсказал, например, конец «холодной войны» [Lebow, 1995] (впрочем, как и другие теоретические направления и школы исследования международных отношений), – он, тем не менее, остается главным подходом к пониманию использования материальной силы и национальных интересов в международных отношениях.

Основные положения реализма исходят из понимания природы международных отношений, сторонника реализма склонны рассматривать международную политику как неотъемлемо конкурентную среду. Но то, насколько напористыми являются состояние соперничества, зависит от того, к какому направлению реализма принадлежит исследователь. Для неореалистов, которые подчеркивают важность структурной динамики в международной политике, отсутствие международного института для систематического обеспечения соблюдения принципов международного права означает, что международные отношения лучше всего рассматривать как происходящие в состоянии постоянной анархии [Waltz, 1994]. Поскольку государства в первую очередь стремятся к выживанию, лучший способ добиться этого – наращивание силы, мощи, влияния (power) за счет других. Это означает, что конфликты интересов, включая войну как «политику другими средствами», неизбежны.

Но для неореалистов анархия также имеет обуславливающий эффект: государства реагируют на анархию через призму страха, что делает их естественно оборонительными и нерешительными в отношении сотрудничества, но также и неприязнь к войне [Taliaferro, 2006]. Напротив, наступательные реалисты видят в анархии не столько ограничение поведения, сколько стимул, и сотрудничают, если представится возможность [Snyder, 2002].

В дополнение к структурному аргументу это также основано на реалистическом прочтении человеческой природы. Для реалистов история показывает, что нет никакой гарантии, что корысть, стремление к власти и влиянию могут быть устранены из человеческой природы.

Из всех человеческих недостатков нет более распространенного, чем желание каким-то

образом доминировать над другими. Поэтому возможность искоренения стремления к власти утопична и нереальна. В этих условиях международную политику, по мнению реалистов, лучше всего рассматривать как борьбу за власть, и она делает продвижение национальных интересов главной обязанностью государств. Анархическая международная система требует поддержания военного потенциала, достаточного для сдерживания нападения со стороны других, потому что, хотя союзы может помочь государствам защитить свою безопасность, неизменная лояльность союзников не может быть. Это создает дилемму безопасности, когда самопомощь становится принципом, определяющим поведение государств, а угрозы безопасности интерпретируются субъективно или выборочно.

Но если все государства действуют в своих интересах, стабильность будет результатом естественного баланса сил. То, как распределяется власть, приводит реалистов к выводу, что тип международной системы также будет диктовать способ взаимодействия внутри нее государств. В биполярных системах, как, например, во время «холодной войны», наличие двух противоположных полюсов силы делает выбор довольно простым: раздвоенный мир ведет к блокам союзов, которые также стабильны по своей сути. Стабильность биполярных систем достигается тем, что они делают риск войны настолько катастрофическим, что каждая сторона воздерживается от политики, которая может спровоцировать начало открытых военных действий.

В управлении своей конкуренцией они также используют опосредованные конфликты, чтобы избежать борьбы друг с другом, и в целом уважают сферы влияния друг друга [Gaddis, 1986]. Напротив, многополярные системы гораздо более изменчивы, характеризуясь многочисленными великими державами, конкурирующими за влияние. В этих условиях союзы носят временный характер, а риск войн возрастает, поскольку крупные державы стремятся превзойти друг друга. Без четких правил о том, где заканчивается сфера влияния одной великой державы и начинается сфера влияния другой, многополярное окружение опасно как для крупных, так и для меньших держав [Levy, 1998].

Для реалистов небольшие государства, которые не являются великими державами, имеют по существу четыре варианта взаимодействия с крупными державами: 1) они могут балансировать против них, формируя коалиции; 2) они могут поддержать одну из держав [Schweller, 1994]; 3) они могут попытаться «спрятаться», что редко получается и бывает успешным); 4) они могут подстраховаться, стремясь занять промежуточное положение между крупными державами.

Это помогает объяснить, как средние и малые державы ведут себя во время кризиса и почему страны, обладающие важными стратегическими активами, такими как природные ресурсы, энергоресурсы или географическое положение, могут оказывать непропорциональное влияние на более крупные государства.

Тот факт, что реализм настолько многогранен, что охватывает большинство международных аспектов, представляющих интерес для специалистов по национальной безопасности, означает, что ориентироваться в нем может быть сложно. На самом деле реалисты часто выдвигают аргументы, диаметрально противоположные аргументам других исследователей, придерживающихся той же парадигмы. Например, реалисты расходятся во мнении с тем, является ли баланс силовых систем более стабильным, чем иерархические; являются ли государства оборонительными или агрессивными; является ли баланс сил или баланс угроз главной причиной формирования союзов государств; могут ли государства быть глобальными гегемонами или только региональными; какова роль режимов сотрудничества

(успешная или неуспешна), когда на карту поставлены жизненно важные национальные интересы.

Реалисты также расходятся во мнениях относительно того, в какой степени изучение внутренних традиций государства влияет на его поведение. Для неореалистов нет смысла пересекать уровни анализа, чтобы открыть «черный ящик» состояния, потому что смешивание анализа на уровне единиц с анализом на уровне системы приводит к ненадежным выводам. Но для неоклассических реалистов в отношении мотивации, интересов и власти государств, то, как внутренние элиты воспринимают угрозы, имеет жизненно важное значение для того, как формируется и формулируется внешняя политика и политика безопасности государства.

Внутренние дискурсы и укоренившиеся модели поведения, проистекающие из истории и опыта каждой страны в области национальной безопасности, дают важный контекст для понимания поведения государств. В результате неореалисты подчеркивают, что понимание того, что побуждает государства делать выбор в пользу той или иной стратегии национальной безопасности так же важно, как и структурные условия международной среды, которые разрешают или ограничивают их поведение [Sterling-Folker. 1997].

Либеральная парадигма. Как и реализм, либеральные подходы к пониманию международных отношений и проблем, многогранны. Либеральный проект в международных отношениях в первую очередь направлен на смягчение негативных последствий международной анархии с разной степенью акцента на том, что наиболее эффективно: законы, институты или политические системы.

На одном конце спектра можно найти неолиберальных институционалистов, которые склонны соглашаться с основными предположениями реализма об анархической природе мировой политики, и склонности государств к стремлению к власти над другими. Но они различаются по *роли международных институтов* в качестве надежных формы глобального управления, ограничивающие поведения государств на международной арене.

По мнению Дэниела Дьюдни и Джона Икенберри государств заинтересованы участвовать в международных институтах. Это связано с тем, что они обладают эффектом «связывания», который укрепляет доверие между участниками, снижает транзакционные издержки и, в конечном итоге, ведет к взаимовыгодному сотрудничеству, которое может распространяться на другие области [Deudney, 1990]. Следовательно, государства с большей вероятностью примут сотрудничество на основе абсолютной выгоды, когда каждый получает что-то, участвуя в нем, чем намеренно пытаются превзойти друг друга в конкуренции.

Вторая основа либерального подхода касается *роли капитализма и торговли*, которые смягчают последствий международной анархии. Иначе говоря, торговля создает мир. Когда страны участвуют в частой трансграничной торговле, это не только поощряет сотрудничество в других областях, но и приводит к переплетению их экономик. Это делает конфликт менее вероятным, потому что государства будут рассматривать риск потери этой торговли как фундаментально более значительный, чем любые выгоды, которые можно было бы получить в результате боевых действий.

Третий источник либеральной парадигмы, вероятно, самый спорный в XXI в., основан на утверждении, что тип политической системы, которой обладает государство, поможет определить, насколько мирным будет его внешняя политика. Здесь тезис о «демократическом мире» подчеркивает, что демократии, скорее всего, будут избегать конфронтации друг с другом, потому что они одинаково уважают внутреннее и международное право, одинаково отдают предпочтение торговле и взаимозависимости, а также разделяют политическое понимание

важности основанного на правилах международного порядка [Russet, 1994]. После окончания «холодной войны» тезис Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории» приобрел значительную известность благодаря аргументу в пользу того, что история, как спор идей, была решена в пользу либерализма, и что либеральная демократия победила.

Поскольку бывшее советское государство обратилось к плюралистическим формам правления, стало превалировать мнение, что наступает период всеобщей демократизации и, следовательно, гораздо более мирный мировой порядок неизбежны. Но атаки 11 сентября 2001 г. на Всемирный торговый центр и Пентагон, продемонстрировали, что история далека от завершения. «Борьба с террором», волна неудачных интервенций США и НАТО от бывшей Югославии до Ливии, результаты «цветных революций» продемонстрировали, что если международное сообщество не будет готово к государственному строительству после интервенции, результатом может стать еще больший хаос [Schmidt, 2008].

В результате либерализм завершил второе десятилетие XXI века в гораздо более слабом положении, чем последнее десятилетие предыдущего века. Понятие постлиберального порядка, рост протекционизма и торговых войн, а также недоверие к международным институтам в совокупности сделали либеральные подходы к национальной безопасности потенциально менее привлекательными, чем в прошлом. И хотя многие государства на Западе продолжают подчеркивать важность защиты и продвижения либеральных ценностей как источника полезности либерализма для поддержания мира и стабильности, недавнее возвращение политики великих держав и этатизма в международные дела делает будущее либеральных предсказаний гораздо менее определено, чем раньше.

Конструктивистская парадигма. Конструктивистский подход в исследованиях международных отношений появились относительно недавно, получив известность, прежде всего, как критика реализма, сторонники которого не смогли предсказать ослабление и распад СССР, и окончания «холодной войны», несмотря на наличие у Советского Союза большой военной мощи.

Вместо того чтобы сосредотачиваться на международной анархии, материальной власти и рациональных национальных интересах как на доминирующем условии, переменной и средстве государственного поведения соответственно.

Представители конструктивизма выступают за иную концепцию международного взаимодействия, которая по своей сути является продуктом социализации. Основываясь на постмодернистских течениях в гуманитарных и естественных науках, конструктивисты утверждают, что содержание международных отношений – интересы, власть и анархия в основе своей нормативны.

Согласно утверждению А. Вендта, работа которого «Социальная теория международной политики» стала первой крупномасштабной формулировкой конструктивистской исследовательской парадигмы, именно идентичность и идеи являются ключом к пониманию международного поведения [Wendt, 1999]. Анархия, утверждал А. Вендт, не была постоянным явлением и даже близко не понималась всеми. Вместо этого это было то, что государства сделали из этого, что оставило место для различных интерпретаций того, как разыгрывались игры международных отношений, для различных конструкций регионального и мирового порядка, а также для государств, чтобы проводить различную внешнюю политику и политику безопасности, сформированную различными внешними, транснациональными и внутренними стимулов.

Поскольку конструктивисты рассматривают национальные интересы как продукт

идентичности государства, они утверждают, что интересы и идентичность взаимно конституируются [Wendt, 1994]. Таким образом, политика национальной безопасности государства является продуктом его опыта социализации, исторических, культурных дискурсов и исторической памяти, а также его политическая и стратегическая культура.

В сложном мире международного взаимодействия различные дискуссии о национальной безопасности и мировом порядке пересекаются, что часто приводит к очень разным интерпретациям того, что важно при формулировании содержания и угроз национальной безопасности.

Государства, сформированные своей идентичностью и идеями, могут принимать многочисленные формы политики безопасности, которые могут быть милитаристскими, либеральными, авторитарными поствестфальскими или многими другими [Kreuder-Sonnen, 2015]. Их взгляды на международное право и права человека могут быть универсальными или космополитическими, являются продуктом дискурсивной практики, становясь речевыми актами, которые затем инкорпорируются в политику.

Широта и масштаб конструктивизма делает его потенциально полезным для объяснения различных явлений безопасности, включая те вопросы, которые обычно описываются как попадающие в «серую зону» или «нетрадиционные» области. Рефлексивный подход конструктивистов означает, что они не рассматривают государство как нечто фиксированное, а такие факторы, как анархия или «законы» международных отношений. Вместо этого конструктивисты сосредотачиваются на роли многочисленных акторов в международной политике, от международных организаций до участников гражданских войн, беженцев и самих людей. Идентичности склонны ассоциировать себя и могут меняться по мере того, как разные общества меняют свои взгляды на то, какое поведение является приемлемым. При этом нормы могут быть регулируемыми, направляющими и обуславливающими поведение, основанными на том, что считается законным или незаконным в данной группе действующих лиц.

Нормы поведения распространяются, государства учат, как вести себя на основе того, как международные организации структурируют свои предпочтения. Как только достигается переломный момент в том, как нормы соблюдаются, они быстро распространяются по всему международному сообществу, порождая широкое их применение [Finnemore, 1998].

Конструктивисты также пытаются объяснить «традиционные» вопросы безопасности как продукты социализации. Неприменение ядерного оружия, например, является для конструктивистов ярким примером силы норм, когда эмпирический факт, что государства не применяли ядерное оружие с 1945 г., показывает, что это неприемлемо или законно. С этой точки зрения, конструктивизм предоставляет множество инструментов для понимания того, как ведут себя различные действующие лица, наметить процессы изменений и предсказать, какие идентичности и нормы, вероятно, станут доминирующими в будущем. Такой взгляд помогает понять причины эволюции националистических дискурсов в конкретном обществе, чтобы показать, как со временем может измениться идентичность; объяснить, почему одни государства более склонны к войне, чем другие; и выделить причины, по которым люди обращаются к насилию.

Точно так же ключевые положения конструктивизма помогают определить наличие идей, мнений и аргументов, которые больше нравятся определенным культурам, чем другим, и предписать способы смягчения конфликта посредством обучения и дискурса.

При этом конструктивизм также подвергался серьезной критике со стороны представителей реализма и либерализма. Его акцент на идентичности и идеях может привести к исследованиям,

основанным на весьма субъективных суждениях, и совершенно противоречивым утверждениям о том, какие нормы меняются, и как они определяют содержание национальной безопасности.

Также верно и то, что конструктивизм объясняет внешнюю политику государства и политику безопасности, основанной лишь на стереотипах о национальном характере, мифах и мотивах. При этом рассматривая акторов и структуры как взаимно конституируемые, сторонники конструктивизма поднимают вопрос о том, насколько высоко и насколько низко заходят идеи и идентичности в определении того, какие нормы становятся доминирующими, а другие нет.

Либералы критикуют конструктивистов за то, что они создают «пророчество», т.к. в любом обществе существуют нормы, идеи и идентичность, но гораздо труднее доказать, что именно они формируют поведение и взаимодействие государств.

Реалисты, в свою очередь, утверждают, что ценности и нормы, на значимость которых указывают конструктивисты, часто является всего лишь инструментом реализации прагматических интересов государства. Иными словами, маскируясь под «хорошее поведение» акторы принимают новую идентичность в зависимости от того, сколько материальных возможностей они имеют в своем распоряжении. В связи с этим ряд экспертов, указывают на пример причин окончания «холодной войны», когда идеи и идентичность СССР изменились с осознанием того, что Советский Союз обанкротился, т. е. его сила и мощь (power) пришла в упадок, и поэтому политическое руководство было вынуждено искать выход из дорогостоящего биполярного противостояния [Brooks, 2021].

Заключение

Теория международных отношений может быть как полезной, так и проблематичной для практики национальной безопасности. С одной стороны, теоретические концепции предоставляет профессионалам в области политики безопасности различные способы понимания долгосрочных моделей взаимодействия между государствами, характер угроз, причины подъема и падения крупных держав, роли негосударственных акторов и того, как государства и международные сообщества перестраиваются с течением времени. Но, с другой стороны, это подчеркивает риски – позволяя «чистой теории» стать движущей силой принятия внешнеполитических решений.

Например, склонность специалистов по национальной безопасности называть государство проводящим «реалистическую» или «либеральную» политику безопасности может быть удобной, но также потенциально опасной. Действительно, такого не бывает, чтобы государственный аппарат принимал решения на основе одного теоретического подхода. Вполне возможно, что некоторые государства действуют более похоже на политику реализма, а другие государства гораздо более связаны с правилами и нормами поведения. Объяснение того, является ли это продуктом структур, влиянием акторов, дискурсов, интересов или идентичностей, безусловно, является задачей теории международных отношений.

Во-вторых, поскольку теория представляет собой форму мировоззрения, построенного на предположениях, она, следовательно, описывает идеальные типы, а не беспорядочную реальность. Даже самый яркий реалист, например, признал бы, что социальные и культурные явления влияют на то, как акторы ведут себя в международных отношениях, точно так же, как многие конструктивисты будут обеспокоены тем, что модели власти и интересов иногда могут объяснить риски и вызовы национальной безопасности более четко, чем идентичность и норм.

В-третьих, следует отметить, что теория международных отношений не в состоянии

полностью предсказать динамику и результаты международных событий. Это то, с чем дисциплина продолжает бороться, и это также должно предостеречь специалистов в области национальной безопасности от чрезмерной зависимости от ожиданий содержания положений конкретной парадигмы. Широта и охват каждого из основных теоретических подходов к международным отношениям означает, что в рамках одной научной традиции часто можно найти диаметрально противоположные выводы.

Тем не менее, даже с учетом этих оговорок, изучение международных отношений дает многое эксперту и политику в сфере национальной безопасности. Теоретическое осмысление международно-политических процессов предоставляет несколько инструментов для решения насущных текущих проблем безопасности, а также для извлечения уроков из прошлых.

Каждая из представленных парадигм сочетает в себе богатые эмпирические детали с хорошо продемонстрированными наблюдениями о возможностях и угрозах международной безопасности. В эпоху трансформации международной системы и взаимозависимости, когда риски и опасности для национальной безопасности часто могут казаться непреодолимыми, у теоретиков международных отношений и лиц принимающих решения в области национальной безопасности есть общая цель: лучше понять все более сложную природу мировых событий и процессов и успешно пройти через возникающие национальные и международные кризисы.

Библиография

1. Кардашова И.Б. Основы теории национальной безопасности. М.: Юрайт, 2023. 334 с.
2. Кокошин А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М.: ВШЭ, 2013. 261 с.
3. Booth K. Theory of World Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 496 p.
4. Brooks St., Wohlforth W. Power, Globalisation and the End of the Cold War: Re-evaluating a Landmarks Test Case for Ideas // International Security. 2021. Vol. 25 (3). P. 5-53.
5. Browning Ch., McDonald M. The Future of Critical SecurityStudies: Ethics and the Politics of Security // European Journal of International Relations. 2013. № 19 (2). P. 235-255.
6. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 592 p.
7. Deudney D., Ikenberry Jh. The Nature and Sources of Liberal International Order // Review of International Studies. 1999. № 25 (2). P. 179-196.
8. Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. № 52 (4). P. 887-917.
9. Gaddis G.L. The Long Peace: Elements of Stability in the Postwar International System // International Security. 1986. № 10 (4). P. 99-142.
10. Kreuder-Sonnen Ch., Zangl B. Which Post-Westphalia? International Organizations Between Constitutionalism and Authoritarianism // European Journal of International Relations. 2015. № 21 (3). P. 568-594.
11. Lebow R.N., Risse-Kappan Th. (eds.) International Relations Theory and the End of the Cold War. New York: Columbia University Press, 1995. 216 p.
12. Leffler M. National Security // Journal of American History 1990. № 77 (1). P. 143-152.
13. Levy J. The Causes of War and the Conditions of Peace // Annual Review of Political Science. 1998. № 1. P. 139-165.
14. Linklater A., Saganami H. The English School of International Relations: A Contemporary Reassessment. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 308 p.
15. Russett B. Grasping the Democratic Peace. Princeton: Princeton University Press, 1994. 192 p.
16. Russett B., Starr H., Kinsella D. World Politics: The Menu for Choice, Wadsworth: Cengage, 2010. 480 p.
17. Schmidt B., Williams M.C. The Bush Doctrine and the Iraq War: Neoconservatives Versus Realists // Security Studies. 2008. № 17 (2). P. 191-220.
18. Schweller R.L. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back // International Security. 1994. № 19 (1). P. 73-107.
19. Snyder G. Mearsheimer's World: Offensive Realism and the Struggle for Security // International Security. 2002. № 27 (1). P. 149-173.

20. Sterling-Folker J. Realist Environment, Liberal Process and Domestic-Level Variables // *International Studies Quarterly*. 1997. № 41 (1). P. 1-25.
21. Taliaferro J.W. Security Seeking Under Anarchy: Defensive Realism Revisited // *International Security*. 2006. № 25 (3). P. 128-261.
22. Waltz K. Realist Thought and Neorealist Theory // *Controversies in International Relations Theory: Realism and the Neoliberal Challenge*. London, 1994. P. 67-82.
23. Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // *American Political Science Review*. 1994. № 88 (2). P. 384-396.
24. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 450 p.

The Concept of National Security in the Main Paradigms of International Relations Theory: Realism, Liberalism, Constructivism

Oleg A. Khlopov

PhD in Political Science,
Associate Professor of American Studies,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6, Miuskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: rggu2007@rambler.ru

Abstract

The article analyzes the content of the concept of national security through the prism of the main paradigms of the theory of international relations: realism, liberalism and constructivism. These theoretical approaches indicate a different understanding of the key problems and threats to national security and ways to overcome them. Theoretical understanding of international political processes provides several tools for understanding and solving security problems, as well as for drawing lessons from past historical experience. Whether each paradigm embraces a positivist (realism and liberalism) or a reflexive (constructivist) ontology, each combines rich empirical details and insights into the nature and threats to national security. The author concludes that politicians and experts, when planning a state national security strategy, can usefully use various theories of international relations, each of which contributes to the analysis of modern problems of national security of the state and society. Each of the paradigms presented combines rich empirical detail with well-demonstrated observations about the opportunities and threats to international security. In an era of international system transformation and interdependence, when risks and dangers to national security can often seem insurmountable, international relations theorists and decision-makers in the field and national security have a common goal: to better understand the increasingly complex nature of world events and processes and successfully navigate through emerging national and international crises.

For citation

Khlopov O.A. (2023) Kontsepsiya natsional'noi bezopasnosti v osnovnykh paradigmakh teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: realizm, liberalizm, konstruktivizm [The Concept of National Security in the Main Paradigms of International Relations Theory: Realism, Liberalism, Constructivism]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 12 (1A), pp. 179-190. 10.34670/AR.2023.40.81.020

Keywords

National security, international relations paradigm, realism, liberalism, constructivism, threats.

References

1. Booth K. (2007) *Theory of World Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Brooks St., Wohlforth W. (2021) Power, Globalisation and the End of the Cold War: Re-evaluating a Landmarks Test Case for Ideas. *International Security*, 25 (3), pp. 5-53.
3. Browning Ch., McDonald M. (2013) The Future of Critical Security Studies: Ethics and the Politics of Security. *European Journal of International Relations*, 19 (2), pp. 235-255.
4. Buzan B., Waever O. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Deudney D., Ikenberry Jh. (1999) The Nature and Sources of Liberal International Order. *Review of International Studies*, 25 (2), pp. 179-196.
6. Finnemore M., Sikkink K. (1998) International Norm Dynamics and Political Change. *International Organization*, 52 (4), pp. 887-917.
7. Gaddis G.L. (1996) The Long Peace: Elements of Stability in the Postwar International System. *International Security*, 10 (4), pp. 99-142.
8. Kardashova I.B. (2023) *Osnovy teorii natsional'noi bezopasnosti* [Fundamentals of the theory of national security]. Moscow: Yurait Publ.
9. Kokoshin A.A. (2013) *Politiko-voennye i voenno-strategicheskie problemy natsional'noi bezopasnosti Rossii i mezhdunarodnoi bezopasnosti* [Politico-military and military-strategic problems of Russia's national security and international security]. Moscow: HSE.
10. Kreuder-Sonnen Ch., Zangl B. (2015) Which Post-Westphalia? International Organizations Between Constitutionalism and Authoritarianism. *European Journal of International Relations*, 21 (3), pp. 568-594.
11. Lebow R.N., Risse-Kappan Th. (eds.) (1995) *International Relations Theory and the End of the Cold War*. New York: Columbia University Press.
12. Leffler M. (1990) National Security. *Journal of American History*, 77 (1), pp. 143-152.
13. Levy J. (1998) The Causes of War and the Conditions of Peace. *Annual Review of Political Science*, 1, pp. 139-165.
14. Linklater A., Suganami H. (2009) *The English School of International Relations: A Contemporary Reassessment*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Russett B. (1994) *Grasping the Democratic Peace*. Princeton: Princeton University Press.
16. Russett B., Starr H., Kinsella D. (2010) *World Politics: The Menu for Choice*. Wadsworth: Cengage.
17. Schmidt B., Williams M.C. (2008) The Bush Doctrine and the Iraq War: Neoconservatives Versus Realists. *Security Studies*, 17 (2), pp. 191-220.
18. Schweller R.L. (1994) Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back. *International Security*, 19 (1), pp. 73-107.
19. Snyder G.I. (2002) Mearsheimer's World: Offensive Realism and the Struggle for Security. *International Security*, 27 (1), pp. 149-173.
20. Sterling-Folker J. (1997) Realist Environment, Liberal Process and Domestic-Level Variables. *International Studies Quarterly*, 41 (1), pp. 1-25.
21. Taliaferro J. W. (2008) Security Seeking Under Anarchy: Defensive Realism Revisited. *International Security*, 25 (3), pp. 128-261.
22. Waltz K. (1994) Realist Thought and Neorealist Theory. In: *Controversies in International Relations Theory: Realism and the Neoliberal Challenge*. London, Basingstoke: Palgrave.
23. Wendt A. (1994) Collective Identity Formation and the International State. *American Political Science Review*, 88 (2), pp. 384-396.
24. Wendt A. (1999) *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.